

Вет. Ленинград 1984, 25/VII

«ГЛУБОКИЙ ЭКРАН»

Их долго называли фэксами.* Уже не так-то много осталось людей, видевших сногшибательное представление «Женитьба». Только мальчишки двадцатого года помнят киноагитку «Мишка против Юденича». Давно отдана истории «одна из самых нарядных лент советского кино» — «С.В.Д.» Ученики юных Козинцева и Трауберга стали мастерами и имеют последователей.

Удивительный парень Максим со своей обаятельной песенкой «Крутится, вертится шар голубой...» триумфально прошагал по экранам мира. Авторы первой части трилогии победили самых заядлых скептиков и обрели широкое признание, а их все еще именовали фэксами...

Немало страниц в книге Г. Козинцева «Глубокий экран», вышедшей в издательстве «Искусство», посвящено этому периоду бурных и далеко не всегда оправданных логикой исканий юных художников.

Начало двадцатых годов... Трудное и прекрасное время. Автор образно рисует те дни. На страницах книги оживают и его беспокойные сверстники, и люди постарше и поопытней, зорко увидевшие в эксцентрических начинаниях юношей нечто такое, что сможет дать толчок в развитии нового, еще никем не проверенного искусства.

Г. Козинцев часто обращается к имени неутомимого искателя, стойко отстаивавшего свое новое, найденное, чтобы через год или два отказаться от него и идти вперед в поисках художественной истины. — имени замечательного режиссера Всеволода Мейерхольда. Автор убедительно показывает, как многое из того, что порой вызывало удивление и неприязнь в начинаниях этого художника, по прошествии времени получило развитие в мировом театре и оказало неизмеримое влияние на кино.

С подкупающим теплом Г. Козинцев рассказывает о том, как его современники, единомышленники начинали свой путь в искусстве. Те, кто в голодном Петрограде акробатничал в школе ФЭКСа в бывшем купеческом доме на Гагаринской и клеил себе брови из черного бархата — С. Мартинсон, С. Герасимов, А. Каплер, П. Соболевский, О. Жаков, Я. Жеймо, — все они стали признанными мастерами реалистического экрана. Много добрых слов сказано об операторе Андрее Москвине — мастере, всю творческую жизнь настойчиво искавшем предельной выразительности изображения, подлинном соавторе режиссеров. Искренне, сердечно повествует Г. Козинцев о жизни и творчестве Евгения Енея, которого он справедливо считает лучшим художником нашего кинематографа.

А давнее, столь же давнее, как с А. Москвиным и Е. Енеем, содружество автора книги с Д. Шостаковичем! Кто не помнит поразительных звуков, сопровождающих пролог «Юности Максима»? А музыка к «Гамлету» — разве это не один из симфонических шедевров композитора! Да, примечательное постоянство и взаимопонимание художников.

Пожалуй, одна из лучших глав книги та, где идет речь о фильме «Новый Вавилон». Атмосфера времени, когда после нэпа наступали годы индустриализации, передана страстно и поразительно зримо. Здесь немалую роль играет и тот

беспощадный юмор, с которым автор не шадит и собственных промахов и разит усердных и недальновидных «доброжелателей».

Козинцев прав, когда говорит о том, что, не будь увлечения эксцентризмом в молодые годы, не было бы в его творчестве ни образности «Юности Максима», ни «Дон Кихота», которого блистательно сыграл мудрый Николай Черкасов. Глубоким уважением к этому незабываемому артисту, как и к другому замечательному художнику сцены — Юрию Толубееву, воплотившему образ верного оруженосца рыцаря, звучат в книге строки, посвященные совместной работе над картиной, получившей мировое признание.

Книга охватывает огромный период жизни и творчества режиссера. За каждым ее абзацем — значительное событие неумолимого времени. Есть здесь и глава, посвященная работе в театре. Она по-своему любопытна. Ведь очень редко режиссер кино находит общий язык с людьми сцены, а Козинцев такой язык нашел. О работе театра он пишет много и интересно.

Жизнь большого художника — непрерывный процесс творчества. Она насыщена встречами с теми, кто близок ему по духу и с кем он ведет непримиримый спор. О последних Козинцев упоминает лишь вскользь, безымянно. Зато сколько славных имен тех, кто положил свой кирпич в стены здания большого искусства, встречаем мы на страницах книги! Здесь и волшебник сказочного и одновременно жизненного слова Евгений Шварц, и виртуоз графики Натан Альтман, некогда учитель режиссера по Академии художеств, а на склоне лет автор эскизов костюмов в фильме «Дон Кихот». Здесь и Сергей Эйзенштейн, и чудесный актер К. В. Скоробогатов, и Джульетта Мазина, и Федерико Феллини, и многие, многие другие.

В последней главе, скромно названной «Приложение», с большой убежденностью и доказательностью автор исследует исторические пути живописи, театра, других искусств, пути, которые привели кино к его столь безграничным возможностям и сделали большим искусством.

Книга Григория Козинцева — не мемуары и не труд для просвещения молодых режиссеров. Это и не исповедь. Это спор о путях развития искусства, спор долгий, который ведет художник всю свою наполненную поисками жизнь. В споре том большой, своеобразный мастер, может быть, и не всегда безусловно прав. Найдутся и противники того, что упорно утверждает Козинцев в своих произведениях, а теперь вот отстаивает в книге.

В подглавке «Экран и люди» он говорит, что «нет художника, не заинтересованного в отклике на свои мысли и чувства... Потребность понимания, душевной близости с другими людьми органична для человека». «Но природа такого общения, — пишет дальше автор, — не имеет ничего общего с подлаживанием, потачкам чужим вкусам. Угождение почтеннейшей публике, как выражались старые антрепренеры, способно обеспечить выручку в кассе, а не духовную близость».

Цитатой, к которой трудно что-либо добавить, и хочется закончить рассказ об этой умной и интересной книге.

* ФЭКС — фабрика эксцентрического актера.